

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Что видит социология?

Сорока Ю.Г. Видеть, мыслить, различать: социокультурная теория восприятия. — Харьков: ХНУ им. В.Н.Каразина, 2010. — 336 с.

Социальное восприятие автор определяет как понимание и оценку людьми социальных объектов — самих себя, других людей, социальных групп и общностей. Оно организовано посредством категорий и схем, которые делают прозрачным и предсказуемым окружающий мир. Категории восприятия — формы мышления, упорядочивающие опыт, они позволяют индивиду идентифицировать любой объект или другого человека как представителя определенной группы и отличного от членов других групп.

Интересно, что первоначально интерес к вопросам социологии восприятия (50-е годы XX века) сформировался в результате изучения влияния искажающих факторов на сам процесс восприятия. Так, эксперимент показал, что дети из бедных семей воспринимали монетки большими, чем их реальные размеры, а дети из богатых семей — наоборот, меньшими. Оказывается, мотивы, цели, установки, защитные механизмы могут радикально изменять природу восприятия. Символично, что социальное входит в индивидуальное под знаком *искажения* последнего.

Однако искажающая роль социального на этом не заканчивается, социальное не только искажает объект, но и стремится собой его заменить. Перспективы и точки зрения, которые агенты имеют об этой реальности, составляют часть самой этой реальности (с.32). Кроме перспектив и точек зрения агентов в отношении этой реальности они кругом наталкиваются на овеществленные формы восприятия — автор называет это объективацией схем восприятия: спонтанные высказывания, научные теории, идеологические системы. А кроме этого — любые культурные продукты, создаваемые человеком, от культурной утвари до кино. Более того, “элементы реаль-

ности, не являющиеся для конкретной схемы восприятия значащими, постепенно могут терять для индивида качество реальности” (с. 36).

Так что же с реальностью, какие определения мы можем приписать ей?

Похоже, с реальностью надо попрощаться, ведь социальное восприятие — это восприятие конкретных сообществ и групп, реальность исчезает в сутолоке конкурирующих способов восприятия социального мира. И все же автор пытается найти какие-то характеристики социальной реальности, которые, как правило, негативны. Социальный мир нестабилен, текуч и непостоянен, историчность и неопределенность этого мира становятся предпосылками для деятельности по публичному его оформлению, преодолению неопределенности. Благодаря его неопределенности становятся возможными символические битвы за производство и навязывание легитимного видения мира.

Однако социальное восприятие, описанное через различие схем восприятия тех или иных социальных агентов (горожанин и сельский житель, работодатель и работник, начальник и подчиненный и др.), не до конца охватывает перманентную работу по конституированию социального мира. На восприятие влияют также различные нормативные ценностные системы, непримиримость которых часто приводит к непониманию и конфликтам. Так к понятию социального восприятия добавляется культура, и восприятие становится социокультурным. “Если категоризация и схематизация являются универсальными принципами восприятия (по отношению к различным обществам), то сами формы, структуры, конфигурация схем восприятия, содержание и отношение категорий восприятия связаны с системой значений конкретной культуры и воспроизводят ее определенным образом” (с. 46).

Автор детально анализирует культурные различия восприятия, роль символических структур в восприятии, опираясь на работы К.Гирца, А.Хэлловелла, М.Саллинса, в которых показано, что пространственное восприятие, восприятие цвета, модели мышления и поведения культурно обусловлены.

Второй раздел, озаглавленный “Пространство восприятия”, должен уточнить, конкретизировать социокультурную трактовку восприятия в терминах пространства и времени. Если в первом разделе автора занимало выяснение методологических оснований своей работы, то во втором речь идет о конкретном анализе социокультурной работы восприятия. Сама метафора “пространство восприятий” предполагает, что это пространство гетероморфно, в нем сосуществуют наблюдатели, находящиеся на разных позициях, на разных уровнях, обладающие различной социальной оптикой. Эта оптика не удаляет и не приближает предмет, она просто делает его другим в зависимости от интересов, образования, культуры, полученных наблюдателем.

Попытаюсь выделить наиболее значимых наблюдателей в этом пространстве. К таким наблюдателям я бы отнес, прежде всего, власть, с ее специфическими бюрократическими линзами, средства массовой информации, более или менее значимые социальные группы — служащие, предприниматели, молодежь, пенсионеры и др. Все эти социальные группы и институты делают гетероморфным пространство восприятий, и из пересечения их взглядов и образуется социальная реальность конкретного общества. Поэтому, когда открываешь раздел монографии, посвященный этой теме, ожидаешь увидеть анализ взглядов доминирующих и доминируемых, позиции конкретных социальных сообществ и групп в социальном пространстве. Однако здесь нас ждет некоторая неожиданность: из всего многообразия наблюдающих мир субъектов автор прежде всего выбирает и делает предметом анализа фигуру детектива. Причем детектив рассматривается не как представитель определенной профессиональной группы, занятой специфическим видом деятельности и имеющей общий, свойственный для данной группы взгляд на мир. Детектив рассматривается как жанр литературы. И тут у меня начинается легкое головокружение при попытке определить фигуру наблюдателя. Кто в данном случае выступает в качест-

ве наблюдателя? Детектив, автор детективного сюжета, жанр литературы или сама по себе литература?

Автор склонна полагать, что наблюдателем выступает жанр литературы. Такое решение требует специального обоснования. Претензия детектива как жанра литературы выступать в качестве значимого наблюдателя предполагает, что этот жанр не только является доминирующим в современной литературе (что автор пытается доказать), но и открывает такие горизонты видения общества, которые недоступны другим жанрам литературы. Если объектами, которые наблюдает детектив, являются убийство и преступление, как утверждает автор, то наделяя его особой значимой позицией в пространстве восприятия, мы должны констатировать, что убийство и преступление являются доминирующими объектами социального восприятия в трансформирующемся обществе.

Другого наблюдателя в полиморфном пространстве восприятия автор ищет в гендерных различиях общества, полагая, что оппозиция мужское–женское является главной оппозицией культуры. В принципе можно согласиться с таким выбором объекта исследования (определить, как в период трансформаций мужчины воспринимают женщин, а женщины — мужчин), однако удивляет, почему так сужен мужской взгляд. Речь идет не о мужском взгляде, как он, допустим, представлен в масс-медиа или современной литературе, а о взгляде на женщин одного-единственного человека, поэта Б.Окуджавы. На мой взгляд, социология не работает с такими индивидуальными объектами, как лирика того или иного поэта, каковой достаточно сложно выступить в качестве репрезентанта происходящих в обществе процессов. И потом — отсутствует взгляд женщин на мужчин.

Обращение к медиа как особой позиции социального восприятия не вызывает недоуменных вопросов. Это самый большой по объему подраздел, насыщенный разнообразной социологической информацией и анализом, с него, вероятно, и надо было начинать раздел по изучению пространства восприятий. Автор детально анализирует, как препарируется реальность в текстах телевизионных новостей и со стороны “телевизионной дискурсивности”, и со стороны социальных условий (интересы владельцев медиа).

Завершает монографию раздел, названный “Время восприятий”, где автор исследует процесс возникновения и изменения способов социального восприятия. На конкретных примерах рассматривается изменение схем восприятия таких социальных объектов, как детство, смерть, трансформация восприятия в состоянии культурного шока и др. Переживание культурного шока демонстрирует совсем иную модель изменения социального восприятия, чем история изменения восприятия детства или смерти. Если при восприятии таких объектов, как детство или смерть, механизм изменения восприятия срабатывает бессознательно, незаметно меняясь с течением времени, от поколения к поколению, то процесс изменения восприятия, связанный с культурным шоком, происходит в границах жизни отдельного индивида вполне осознанно, требуя от него кардинальных изменений в системе адаптации.

Подраздел “Институты и изменения социального восприятия” мог бы послужить в качестве методологической базы данного раздела, поскольку в нем автор выдвигает идею о существовании относительно автономных механизмов, обеспечивающих притирку способов восприятия индивида и общества.

Итак, социология выступает в функции наблюдателя второго порядка, наблюдателя, наблюдающего за тем, как происходит наблюдение в различной полиморфной социальной среде, как сталкиваются и пересекаются различные стратегии наблюдения, как они меняются и как соответственно им меняется мир.

Данная монография, несмотря на некоторые замечания, является единственным в Украине исследованием, в котором бы так фундаментально анализировались проблемы социокультурного восприятия.